

EDN: UYTBWV
УДК 81'42:81'38:81"27

Comic Text as a Tool to Discredit Orthodoxy

Irina V. Evseeva* and Anzhelika G. Stanchenkova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.02.2023, received in revised form 16.03.2023, accepted 21.04.2023

Abstract. The research is carried out in line with the modern direction – linguistics of information and psychological warfare with the main task to reveal the meanings in texts that destroy national values. The Orthodox faith, being one of such values of the Russian man, takes a leading position in the list of targets of information influence. The paper analyzes the comic polycode text of a stand-up comedy that can effectively influence people's minds and act, thereby, as a tool to discredit Orthodoxy.

The empiric material is A. Dolgoplov's stand-up comedy "The New Hour of Jokes", where the strategy of discrediting Orthodoxy is implemented through the theme "faith in God". The application of the thematic stratification method made it possible to reveal the system of characters' images in order to discover the meaningful components (introduction, portrait and speech characteristics, author's attitude) embedded in these images by the author of the text. The revealed spectrum of communicative tactics and linguistic-psychological techniques of programming the consciousness made it possible to establish the linguistic means of achieving manipulative impact on the audience in order to form a negative attitude towards Orthodoxy and rejection of the Orthodox faith.

The results of the study can be applied in the field of national security.

Keywords: comic text, polycode text, stand-up comedy, information-psychological warfare, discrediting speech technique, Orthodoxy.

Research area: theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics.

Citation: Evseeva I. V., Stanchenkova A. G. Comic text as a tool to discredit orthodoxy.
In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 933–944. EDN: UYTBWV

Комический текст как инструмент дискредитации Православия

И.В. Евсеева, А.Г. Станченкова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Исследование выполнено в русле современного направления – лингвистика информационно-психологической войны, основной задачей которого является вскрытие в текстах смыслов, разрушающих национальные ценности. Православная вера, будучи одной из таких ценностей русского человека, занимает ведущую позицию в перечне мишеней информационного воздействия. В работе анализируется комический поликодовый текст стендап-комедии, способный эффективно влиять на сознание людей и выступать тем самым инструментом дискредитации Православия.

Эмпирическим материалом явилась стендап-комедия А. Долгополова «Новый час шуток», где стратегия дискредитации Православия реализуется через тему «вера в Бога». Применение метода тематического расслоения позволило раскрыть систему образов персонажей с целью обнаружения содержательных компонентов (интродукция, портретная и речевая характеристика, авторское отношение), заложенных автором текста в эти образы. Выявленный спектр коммуникативных тактик и лингвопсихологических приемов программирования сознания дал возможность установить языковые средства достижения манипулятивного воздействия на аудиторию с целью формирования к Православию отрицательного отношения и отказу от православной веры.

Результаты исследования могут быть применены в сфере обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: комический текст, поликодовый текст, стендап-комедия, информационно-психологическая война, речевой прием дискредитации, Православие.

Научная специальность: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: И. В. Евсеева, А. Г. Станченкова. Комический текст как инструмент дискредитации Православия. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(6), 933–944. EDN: УУТБВВ

Введение

Современное общество существует в эпоху войн нового типа – информационно-сетевых войн, которые, по сравнению с традиционным их форматом, способны нанести более разрушительный эффект с минимальными финансовыми затратами.

В сложившейся геополитической ситуации Россия оказалась вовлеченной в информационное противостояние с коллективным

Западом, с силами, заинтересованными в разрушении государственности РФ. О существовании западных спецслужб, формирующих образ России как страны-агрессора, много написано современными экспертами разной профессиональной направленности. Ветеран спецназа ГРУ майор запаса С. П. Козлов в статье «Как западные спецслужбы ведут информационную войну против России» пишет, что кибервойна сейчас ведется

не только американскими подразделениями, «на острие атаки находятся подразделения информационно-психологических операций (ИПСО) Командования ССО ВС Украины. Также активную работу против России ведет 103-й центр СИМІС / PSYOPS ВС Чехии. Их деятельность курируют и направляют Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций (Рига), Киберцентр НАТО, Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона» (Kozlov, 2020). Ученые заявляют, что «чередa «цветных революций», произошедших на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке, являются следствием разработанной в Соединенных Штатах теории «управляемого хаоса» (или, как ещё её называют – теории «контролируемой нестабильности»)» (Ganiev, Kariakin, 2018: 5). Разобщение народа России, разложение общества внутри государства – одна из задач такого рода теорий, положенных в основу ведущейся против РФ информационно-психологической войны (далее – ИПВ).

Одной из целей инициаторов и акторов ИПВ является привлечение к ведению этой войны талантливых представителей страны, в нашем случае – России, на которую направлена информационная агрессия. Предатели национальных интересов, для которых имеют значение деньги, а не патриотизм, дискредитируют, порочат все, что объединяет русских как нацию. Т.Л. Миронова к таким скрепам относит наличие у русских единокровных предков, общих законов и истории, укорененность в своем Отечестве, принадлежность к православной вере и общий язык, который определяет национальный характер и мировоззрение народа (Mironova, 2010).

Информация дискредитационного характера облекается в разные жанры и стили. Одним из типов текстов, способных эффективно влиять на сознание, является комический текст, который участвует в формировании юмористического (смехового) дискурса. Лежащее в основе смехового дискурса остроумие есть особый способ обработки информации, характеризующийся компактностью, многоплановостью,

многофункциональностью и возможностью передаваться значительно небольшим по объему текстом. Это позволяет практически использовать юмор, с одной стороны, как инструмент противодействия ИПВ, с другой, рассматривать его как опасное оружие в ИПВ.

Цель представляемой статьи – рассмотреть комический поликодовый текст как оружие, инструмент ИПВ, ведущейся против Православия в России.

К ведущим задачам относим:

- выявление комических поликодовых текстов, характеризующих православие в негативном ключе;

- обнаружение в этих текстах языковых средств достижения манипулятивного воздействия на аудиторию с целью дискредитации православия и формирования к нему отрицательного отношения.

Теоретические основы исследования

Технологии информационно-психологического воздействия активно используются сегодня в массмедийном и политическом дискурсах. При этом язык оказался ведущим инструментом такого рода воздействия, что способствовало становлению в русле лингвистической экологии современного научного направления – лингвистика информационно-психологической войны. Родоначальником этого направления по праву можно считать А.П. Сквородникова, профессора Сибирского федерального университета, под руководством которого была выработана теория лингвистики ИПВ, представленная в пилотной статье 2015 г. (Skovorodnikov, Korol'kova, 2015), затем в серии коллективных монографий и других работах (Kornina, 2020; Kornina et al., 2021; Bernatskaia et al., 2017; Bernatskaia et al., 2019; Bernatskaia et al., 2020; Bashkova, et al., 2021 и др.). В этих трудах ученые предлагают среди прочего дифференцировать понятия объекта и мишени войны, объясняя это следующим: «объект информационно-психологической войны – это сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью изменения этого сознания в нужном для

манипулятора направлении. А мишень – это та сторона действительности, так или иначе связанная с объектом, которая подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект» (Skovorodnikov, Korol'kova, 2015: 162). В качестве основных мишеней ИПВ, ведущейся против России, были выделены государственная власть и внешняя политика руководства страны, Русская православная церковь, русский язык, русская история, литература и культура.

Русская православная церковь (далее – РПЦ) занимает одну из ведущих позиций в этом перечне, так как именно она является «последним влиятельным институтом, полноправно и законно сохраняющим ценности русского народа. И только на её базе эти традиционные ценности можно полноценно развивать» (Korovin, 2020). Главная идея нашей церкви – продвижение традиционных ценностей русского народа, составляющих его духовные основы, – так раздражает коллективный Запад и противостоит его ориентирам, мнимым и порой извращенным, свободе слова, толерантности, терпимости и демократии. Сегодня мы наблюдаем уничтожение второй по числу прихожан церкви в стране канонической Украинской церкви Московского патриархата – ведущего оплота православных на Украине. Целью кибервойны против России является в том числе истребление РПЦ. Стержневыми причинами выбора православия в качестве мишени ИПВ, согласно концепции Г. А. Копниной, являются следующие: РПЦ – система ценностей и «скрепа» страны, РПЦ – препятствие на пути к глобализму, РПЦ – основа русского менталитета, РПЦ – «душа» российской армии (Bernatskaia et al., 2017: 255–257).

План раскола РПЦ планомерно проводился и проводится сейчас как извне (Brazhnikov, 2008), так и внутри страны – предателями национальных интересов, каковыми являются некоторые представители творческой интеллигенции, в том числе стендап-комики, высмеивающие в ходе своих выступлений ценности, отстаиваемые РПЦ.

Прежде чем перейдем к анализу текстов таких выступлений, кратко остановимся на проблеме, связанной с отношением к смеху, который, по мнению С. С. Аверинцева, является «одной из универсалий человеческой природы» (Averintsev, 1993: 341).

Понятие термина «смех», являя основой юмористического дискурса, включает довольно широкий спектр передачи эмоций: от доброй улыбки до желчного сарказма, что на шкале интенсивности можно представить в виде противопоставления: «белый юмор» – «черный юмор». Каждая из разновидностей юмора, белый и черный, выполняет свои функции.

«Белому юмору» свойственна особая функция, тесно связанная со здоровьесохраняющей деятельностью человека, что чрезвычайно актуально в периоды разного рода исторических и социальных катаклизмов. Здесь мы ссылаемся на исследование психолога Н. П. Дедова, экспериментально изучившего роль юмора в экстремальных условиях и доказавшего, что юмористические произведения помимо развлекательной выполняют такую регулятивную функцию поведения человека, как психотерапевтическая (Dedov, 2000). Юмористические тексты ориентированы на снятие напряженности в обществе, осмеяние социальных и прочих пороков, подлежащих исправлению (Karasev, 1996). Терапевтический эффект смеха был положен в основу науки «гелотология», основоположником которой считается психиатр Уильям Фрай. Сегодня, когда народ физически и эмоционально подорван событиями последних лет (пандемия коронавируса COVID-19, специальная военная операция), здоровьесохраняющая функция юмористического дискурса представляется одной из ведущих в поддержании эмоционального баланса современного общества. Однако есть темы, над которыми смеяться нельзя. Это подтверждает проведенный в декабре 2021 г. опрос ВЦИОМ, который показал, что «большинство россиян убеждены, что не стоит шутить над особенностями здоровья других людей, над церковью, национальными особенностями и традициями разных народов, а также

над историей России, СССР и Российской империи» (VTSIOM, 2021). О том, что над церковью смеяться нельзя, положительно высказалось 80 % респондентов. Сравните также следующие результаты этого опроса: нельзя шутить над особенностями здоровья других людей (91 %), над национальными особенностями и традициями разных народов (69 %), а также над историей России, СССР и Российской империи (69 %).

Как видим, тема церкви является табуированной, запретной для насмешек. Однако это не останавливает тех, кто ради личной выгоды предает национальные интересы, веру, Родину. Ведущей стратегией этих предателей, относящих себя к «хорошим русским», «европейским русским», «правильным русским», является дискредитация нациеобразующих скреп, которые рассматриваем как мишени ИПВ. Одним из дискредитаторов РПЦ выступает А. Невзоров, пропагандирующий подрыв «доверия к церкви как институту, её доктринальным основам, в принижении исторической роли, а также умалении авторитета духовенства РПЦ и православных христиан» (Леора, Fel'de, Volchok, 2022: 97). Такого рода тексты относим к области «черного юмора».

Эта же тенденция – стратегия дискредитации – прослеживается сегодня в комических текстах, одной из разновидностей которых является стендап-комедия (свободный разговорный жанр комедийного искусства, родившийся в Англии, в котором комик обращается в ходе выступления к живой аудитории, вовлекая ее в подготовленный материал по сценарию), жанр, не изученный с лингвистических позиций.

Стендап-комедия представляет собой поликодовый текст, сочетающий коды разных семиотических систем – вербальной и невербальной. Вербальная представлена спектром языковых средств, устной формой речи, где для передачи замысла комика важную роль играют сценические паузы, риторические ударения, восклицания и прочие средства художественной выразительности. Невербальная система включает жесты, мимику, внешний вид комика, игру голосом (пародирование), телесными звуками (хлоп-

ки, топот, сопение, скрип и др.) и др. Одной из особенностей жанра стендап-комедии является умение артиста «переключать регистры», переходить с одного кода на другой, усиливая действие передачи заложенного в текст выступления смысла разными эмоциональными средствами. И языковые, и неязыковые компоненты в совокупности «работают» на восприятие выступления, на его комический эффект. Здесь чрезвычайно важна роль зрителя, его реакция на представление. Стендап-комедия этим схожа с жанром анекдота (Karasik, 1997), когда результат от произнесения одного и того же текста может быть различным – слушатели могут «упасть от смеха», если все коды мастерски совмещены при рассказывании анекдота, либо выразить непонимание того, когда надо смеяться.

В понимании природы поликодового текста, сочетающего естественный языковой код с кодами иных семиотических систем, опираемся на исследования Г.В. Ейгера и В.Л. Юхта, установивших оппозицию моно- и поликодовых текстов (Eiger, Iukht, 1974: 107). Труды современных лингвистов, выявивших формы поликодовости и их влияние на восприятие контекста (Kobzeva, 2017; Nesterova, 2018; Sonin, 2006 и др.).

При характеристике особенностей юмористического текста и его воздействующей роли опираемся на труды (Averintsev, 1993; Karasev, 1996; Shakhovskii, 2015; Shchurina, 1999 и др.).

Методы и материал

При анализе поликодовых текстов стендап-комедий используем метод тематического расслоения, разработанный для лингвопоэтического анализа художественного текста и ориентированный на выделение в тексте типичных по содержанию отрывков (Akhmanova, Zadornova, 1977). Эффективность этого метода ранее была продемонстрирована Е.В. Кобзевой на материале поликодового текста – художественного фильма, где автор анализирует образ персонажа с учетом следующих параметров, раскрывающих специфику метода тематического расслоения: интродукция

(введение в произведение персонажа путем формирования первичного представления о нем средствами разных семиотических систем), портретная и речевая характеристики (внешность героя и его речевой портрет), авторское отношение (передача мировоззрения автора произведения) (Kobzeva, 2017: 60–61). Метод тематического расслоения применим, на наш взгляд, для изучения такого поликодового текста, как стендап-комедия. Уточнению смыслового наполнения комических текстов способствовал их семантический анализ.

Выявление дискредитирующей информации в анализируемых комических текстах производилось посредством применения выработанных лингвистической прагматикой приемов анализа, направленных на установление стратегий и тактик манипулятивного воздействия, обоснованных, в частности, в трудах (Issers, 1999; Korpina, 2007).

Материалом исследования выступил комический текст современного артиста А. Долгополова, работающего в жанре стендап-комедии. Для реализации поставленной в работе цели к анализу привлечена видеозапись стендап-комедии «Новый час шуток» (размещена в открытом доступе в сети Интернет), которая состоялась в феврале 2019 г. (на YouTube запись была опубликована 5 апреля 2019 г. – <https://youtu.be/V00IU6yKMr8>).

Результаты исследования

В тексте стендап-комедии А. Долгополова «Новый час шуток» есть фрагмент, посвященный теме Православия, где в течение шести минут комик иронично (местами – саркастично) рассказывает о своём отношении к вере в Бога, обильно «украшая» речь матерной лексикой. Тему отношения к вере автор раскрывает через систему образов персонажей. Применяя к анализу эмпирического материала метод тематического расслоения, покажем, как реализуются в рассматриваемой стендап-комедии содержательные компоненты этих образов (интродукция, портретная и речевая характеристики, авторское отношение).

Первая тема в стендапе «Новый час шуток» – отношение к вере в Бога. Ведущими в рассматриваемом фрагменте выступают образы Бога и рассказчика («Я-образ»). В иллюстративном материале знаком «***» обозначаем факт наличия в слове корня, свойственного нецензурной единице.

Введение в тему в анализируемом фрагменте стендап-комедии подается путем сравнения имен Богдан и Иисус. Комик, иронизируя над внутренней формой имени Богдан – «данный Богом», встраивает в сюжет историю, где этим именем назван ребенок, рожденный в страданиях и муках роженицы, имя которому может быть только Богдан: «*Моя жена несколько раз теряла сознание во время родов, ей ампутировали руки и ноги, она рожала на войне. Как назвали? Конечно же, Богдан – ребенок, данный Богом*». По мысли комика, «человечка никогда не называют Богданом просто так, у этого всегда есть какая-то история». Использование тактики нагнетания эмоций как вербально (*несколько раз теряла сознание во время родов, ей ампутировали руки и ноги, она рожала на войне*), так и невербально – при помощи эмоционально-выразительного интонирования и паузирования текста выступающим, подчеркивает мысль рассказчика, что Бог дает что-либо лишь через страдание и боль. При этом комик не формулирует этот вывод, он к нему подводит слушателя через истории.

Используя тактику провокации, А. Долгополов делает псевдологический вывод, констатируя, что Дева Мария не тем именем назвала новорожденного: «<...> Судя по значению имени Богдан, я удивлен, почему Иисуса не зовут Богданом. Если подумать, если реально! Если реально! Иисус – это самый, на*** что ни на есть Богдан! Разве нет? Разве нет? Дева Мария про***алась. Я так считаю!»). Комик, думаем, намеренно не обращается к этимологии имени Иисус, которая прозрачно объясняет его связь с еврейским именем Иешуа «Господь есть спасение» (Bibleiskaia Entsiklopediia Brokgauza, 2022). Сопоставляя имена Иисус и Богдан (тактика сравнения), сравнивая тем самым то, что не подда-

ется сравнению, выступающий принижает статус Иисуса, настаивая на том, что сыном Бога должен быть не Иисус, а Богдан: «Рядом ходят обычные Богданы: «Я сын плотника». Пошел на***, ты не Богдан, ты – Иисус. Он – Богдан!».

Здесь рассказчик вводит в сюжет образ Бога и, имитируя его поведение («Он такой: «Что?» Пришлось отвлечься от человека, которого он воскрешал. «Что?»»), в повторяющееся слово «Что?» вкладывает сомнение Бога, «раскрывает глаза» ему на то, что его сыном должен быть не Иисус, а Богдан.

В основной части стендап-комедии комик переходит к главной теме – «отношение к вере в Бога»: «Я часто думаю про Бога. Есть ли он?». Здесь наблюдается резкая смена интонации. Спокойный, ровный голос стендапера погружает во внутренний мир главного персонажа – рассказчика, который раскрывается в этой части. Появляется образ «Я». Начинается повествование с личной истории, личных взаимоотношений с Богом. Создается ощущение, что рассказчик старается открыться зрителю, тем самым располагая к себе аудиторию. А. Долгополов, используя тактику откровения, сообщает, как может показаться, искренне, что «был верующим ребенком».

Далее комик вводит в рассказ образ отца и матери, вспоминая историю с потерянным крестиком, по его словам, реальную. Здесь тон рассказчика резко меняется, становится саркастическим, голос неприятным. Отца стендапер представляет публике манипулятором, запугивающим ребенка: «Если мы не найдем этот крестик, то его могут найти цыгане, и тогда они проклянут тебя, используя твой крестик...». Это вызывает у ребенка страх: «Я был в ужасе, потому что мне было семь ... Последнее, что ты хочешь, когда тебе семь – это быть проклятым семилетним ребенком». Показательно, что мать, со слов рассказчика, не заступилась за сына: «Обнимаешь мать, она воспламеняется».

Используя когнитивный прием литературной аллюзии, А. Долгополов иллюстрирует сценарий того, что произошло бы, будь он проклят цыганами. Для этой цели автор

привлекает образ героини Роуг из фильма «Люди Икс». Роуг обладает способностью поглощать жизненную энергию и психику других людей при контакте кожа к коже, поэтому она носит перчатки и боится своей силой ранить других. Рассказчик представляет, что из-за проклятия ему нужно будет носить перчатки, как Роуг.

Далее рассказчик возвращается к теме «вера в Бога», повествуя историю о том, как он в детстве ходил в церковь и делал ежедневные жертвоприношения: «Каждую перемену! Это чистая правда! Каждую перемену я ходил в церковь, жертвовал по 5 рублей». А. Долгополов повторяет сказанную ранее фразу: «Я был верующим ребенком», добавляя затем: «Я очень верил в Бога, для меня это было важно...». Почему ему было важно ходить в церковь, он объясняет так: «Но мне нравилось представлять, что люди смотрят на меня. Мне нравилось представлять, что я иду, верующий ребенок, в расстегнутой рубашке со своим крестиком, новым, тем, который мы все-таки купили, не проклятым! И люди оборачиваются и такие: «Вау! Это что еще за верующий ребенок?! Маленький Федор Емельяненко!» А я такой: «С нами Бог, на*** М1, мне все равно». Стендапер объясняет свою «оцерковленность» вниманием людей и их одобрением его поведения. Применяя тактику сравнения, стендапер сравнивает себя с Федором Емельяненко (российский спортсмен, боец ММА, четырехкратный чемпион мира по смешанным боевым искусствам). Здесь напрашивается ассоциация: борец противостоит физической силе, верующий ребенок – нечисти. Стендапер усиливает восприятие своего героизма серией выразительных телодвижений, жестов, имитирующих приемы боевых искусств. Он целует крест, сопровождая действие нецензурным словом и нанося несколько хуков слева и справа воображаемой нечистой силе: «Это что там? Сатана? На на***, Сатана! Получай, ***, Сатана! На лопатках Сатана! Ребят, не заходите туда, я там Сатане ***альничек разбил». Картина, разворачиваемая на сцене, приводит зрителя в восторг.

Продолжая повествование об отношении к Богу, А. Долгополов настойчиво повторяет: «Мне нравилось быть верующим!». И делает переход к пониманию этой темы взрослым «Я»: «Постепенно моя вера начала меняться. Настал период, когда, знаете, когда вера твоя меняется, твоя вера меняется. И ты такой: «Ну, теперь я точно знаю, что Бог – это не мужик на облаке, Бог – это, скорее, концепция! На облаке!»». В этом отрывке обращает внимание порядок слов и построение предложений. Последовательность сочетаний «*моя вера начала меняться*» – «*вера твоя меняется*» – «*твоя вера меняется*», которые произносятся речитативом с особой интонацией певучей декламации, программирует сознание слушателя. Цель этой речевой манипуляции – призыв слушателей к отказу от веры. Не случайно в тексте изменено местоимение в словосочетании: *моя вера – твоя вера*. Тактика программирования сознания слушателя о необходимости отказаться от веры усиливается продолжением личной истории рассказчика: «И однажды дошло до того, что я так сильно отчаялся. На меня навалилось столько проблем, что я взял, и уже в сознательном возрасте, я сорвал свой крестик и выбросил его. И тогда мне казалось, что это серьезный поступок взрослого атеиста ...». Данный фрагмент сопровождается эмоциональностью речи (тональность, игра голосом, паузирование и др.), жестов, мимикой. Жест избавления от крестика подчеркивает разрыв отношений между рассказчиком и Богом. Стендапер подчеркивает, что это произошло «в сознательном возрасте», в возрасте, когда человек может принять взвешенное решение. В момент отказа от веры рассказчик выводит на сцену образ Бога, который должен видеть этот процесс. При этом комик объясняет свое действие истерикой: «... но сейчас я понимаю, что это истерика, которую устраивает верующий человек, чтобы привлечь внимание Бога: «Смотри, Бог, мне не нужны твои подарки! Забирай! Мы больше не вместе!» Вот для чего люди делают это!». Здесь комик представляет Бога в образе беспомощного «мужика»,

который пытается удержать одного выбившегося из паствы: «Э, чо не так, Санёк? Э, Саиш, ты куда?». Бог идет на попятную, чтобы удержать верующего: «Эй, Саиш, что тебе нужно, скажи, и я дам тебе это!». Рассказчик, объясняя Богу отказ от веры, реализует тактику обвинения через риторические вопросы. В них прослеживается апелляция к болезням и бедам, от которых Бог, по представлениям верующих, должен защищать человека, но, по мысли стендапера, этого не происходит: «Хм, я не знаю, может еще болезней, Бог? ... Может еще побольше бед?». Произносится эта фраза с использованием тактики издёвки, что прослеживается в интонации.

В заключительной части подводится итог взаимоотношениям рассказчика и Бога. Рассказчик, с одной стороны, не верит в Бога («Сейчас я, вроде бы, и не верю»), с другой, задумывается о возможном существовании высшей силы («А что, если что-то есть?»), старается «усидеть на двух стульях» («Не хотелось бы попасть в такую ситуацию, что ты умираешь, попадаешь на небеса и Бог тебя встречает такой: «Ну привет, на***! Где крестик, ***?»»). Помня о потерянном в детстве крестике и боясь возмездия Бога, рассказчик в сознательном возрасте рассматривает ситуацию сделки с совестью («Поэтому я нашел его (крестик), помыл, положил в карман, аккуратно ношу с собой»). Здесь комик использует тактику предусмотрительности, раскрывая смысл: я не ношу крестик на шею, но пусть он лежит в кармане на всякий случай. Фраза произнесена с особой интонацией, с использованием выразительной мимики, что вызывает смех у зрителя. Фразой: «Это не так!» рассказчик подводит черту своему отношению к Богу и вере.

Охарактеризуем параметры, предусмотренные методом тематического расслоения, позволяющие оценить образы персонажей. Повторим, ведущими образами в рассмотренном стендапе являются образ рассказчика («Я-образ») и образ Бога, а второстепенными: образы Иисуса и Девы Марии (раскрывают образ Бога), образы родителей главного героя – рассказчика, ге-

роини Роуг из киноселенной «Люди Икс», борца Федора Емельяненко и Сатаны (раскрывают «Я-образ»).

Параметр интродукции персонажа.

Для раскрытия в основной части образа Бога стендапер обращается вначале к образу Иисуса, которого не тем именем назвали, и образу Девы Марии, которая, по словам рассказчика, «*про***алась*» и «*не подумала*» при именовании младенца. Включение в сюжет указанных персонажей объясняется задачей стендапера – показать, что Бога окружают не те, кто должен бы. Образ Девы Марии комик преподносит публике в негативном ключе, откровенно насмехаясь над одной из самых почитаемых фигур в Православии. Здесь напрашивается аллюзия к поговорке «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты».

Образ Бога в стендапе рисуется рассказчиком, который принижает статус Всевышнего, используя тактику умаления его авторитета через осмеяние. Бог предстает заискивающим, невежественным, готовым на уступки ради удержания паствы.

В основной части вводятся второстепенные образы отца и матери главного персонажа – рассказчика, героини Роуг из киноселенной «Люди Икс», Ф. Емельяненко и Сатаны. Они позволяют раскрыть «Я-образ» в период детства рассказчика. Он предстает верующим семилетним ребенком, которого привели к вере родители, поддерживающие эту веру через страх (за потерю крестика проклянут цыгане). Эффект образа испуганного ребенка усиливается апелляцией к Роуг, а обращение к личности Ф. Емельяненко демонстрирует желание рассказчика привлечь к себе внимание, быть сильным и, более того – героем, который способен победить Сатану.

Портретная характеристика. Для раскрытия параметров портретной и речевой характеристики с целью понимания замысла стендап-комедии значение имеют портреты образа Бога и «Я-образа». С позиции этого параметра рассказчик предстает перед публикой сначала семилетним ребенком «*в растянутой рубашке со своим крестиком*», в сознательном возрасте – без

крестика. Рассказчик, неоднократно противопоставляя себя в «сознательном возрасте» (без крестика) и в возрасте «семилетнего ребенка» (с крестиком), подчеркивает, что «был тупым ребенком». «Я-образ» повзрослевшего рассказчика – отрекшийся от веры молодой человек, высмеивающий Бога и отношения с ним.

Бог в стендапе изображен «мужиком на облаке» (с позиции детского восприятия рассказчика) и «концепцией на облаке» (с позиции повзрослевшего рассказчика). Представляя публике образ Бога, стендапер ерничает, меняет мимику, дергает плечами, разводит руками. Создается впечатление, что Бог – невежда, мужик, который не знает, что делать в той или иной ситуации.

«Я-образ» в конце стендапа – это расчетливый и прагматичный, уверенный в себе человек, который, рассматривая возможные варианты развития событий, остается верен себе. Он утверждает, что в его жизни нет Бога. Рассказчик здесь противопоставляет свой образ образу Бога. Бога он рисует злопамятным, способным наказать за отказ от веры.

Речевая характеристика. Речь рассказчика обильно снабжена нецензурной лексикой, использование чего противоречит образу верующего человека. Он часто повторяет фразы, в которые вкладывает важный смысл, использует простые по структуре восклицательные и вопросительные предложения, которые в разговорной речи легко воспринимаются зрителем. Повтор фраз, сопровождаемых игрой голосом, усиливает эффект восприятия, чтобы зритель не сомневался в правдивости сказанных стендапером слов. Ср.: «...*если подумать, если реально, если реально...*», «*Разве нет? Разве нет?*».

В уста Бога рассказчик вкладывает бранное слово: «*Ведешь себя как у***ок!*». Кроме того, речь Бога в стендапе изобилует просторечиями, что согласуется с представленной выше портретной характеристикой Бога как невежды.

Авторское отношение. Этот параметр в стендапе раскрывает отношение рассказчика к Богу, что передается как

посредством языковых, так и неязыковых средств.

Создавая образ Девы Марии, стендапер, использует тактику издевки, изображая, откровенно говоря, ее недалекой женщиной. Это следует из его фантазии на тему процесса зачатия и рождения Иисуса, тему, являющуюся для православных табуированной: « – Как у тебя родился ребенок? – Мой ребенок? Ну, я забеременела от Бога. – Как назвали? – Иисус – ***!». Умозаключение автора дискредитирует образ Девы Марии: «*Дева Мария про***алась!*».

Высмеивая имя Сына Божьего – Иисуса, стендапер покушается на самого Бога, так как согласно христианскому пониманию Бог – это триединство Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого.

Одного из самых близких людей, своего отца, стендапер представляет публике манипулятором, запугивающим ребенка в ситуации, имеющей отношение к вере. Семья с позиции Православия ассоциируется с домашней церковью, где закладываются основы мироощущения. В стендап-комедии А. Долгополов разрушает это представление. Свое отрицание веры в Бога он подает через негативное отношение к отцу и матери, которая, как следует из стендапа, была на стороне отца.

Представляя в комичном ключе Бога, Иисуса, Деву Марию, возлагая на Бога вину за свои беды и несчастья, стендапер подводит зрителя к пониманию, что «Бог – это концепция на облаке» и что нужно изменить отношение к вере («*моя вера начала меняться*» – «*вера твоя меняется*» – «*твоя вера меняется*»). Авторская позиция стендапера, помимо прочих вербальных и невербальных средств, выражается словами: «*Я так считаю!*».

Заключение

Анализ фрагмента стендап-комедии «Новый час шуток» А. Долгополова, посвященный теме «вера в Бога», позволил обнаружить в нем языковые средства достижения манипулятивного воздействия на аудиторию с целью формирования к Православию отрицательного отношения. Это

дает основание оценивать рассмотренный поликодовый текст как дискредитирующий Православие. Дискредитация Православия – стратегия выступления А. Долгополова – реализуется посредством системы образов, включенных в текст, и системы коммуникативных тактик.

Показательна система ведущих и второстепенных образов в стендапе. «Я-образ» раскрывается через отношение рассказчика к образу отца, воспитавшего сына на чувстве страха; через положительных персонажей (героиня Роуг из кинофильма «Люди Икс» и борец Федор Емельяненко) – с ними рассказчик ассоциирует себя, и отрицательного (Сатана), которого он побеждает. Образ Бога раскрывается через образы Иисуса и Девы Марии, которые предстают в комедийном ключе. С опорой на метод тематического расслоения были охарактеризованы персонажи с целью выявления содержательных компонентов (интродукция, портретная и речевая характеристика, авторское отношение), заложенных в них автором.

Стратегия дискредитации успешно реализуется благодаря использованию спектра коммуникативных тактик, которые воплощаются в стендапе, как вербально, так и невербально. В рассмотренном выступлении особое место занимает нецензурная лексика. Матерные слова табуированы. А мат, звучащий со сцены, вкупе с невербальными средствами применительно к образу Бога вызывает у публики смех.

Выразительная жестикация, ерническая тональность, интонирование и паузирование наряду с обилием нецензурной лексики, использованием речевых тактик нагнетания эмоций и провокации, скрытого обвинения и принижения статуса, умаление авторитета через осмеяние, издевки и создания фантастических историй, тактику сравнения того, что не поддается сравнению, откровение и псевдологический вывод – все это «работает» на комичное представление и восприятие (публика смеется) со сцены образов, тесно связанных с именем Бога, и, как следствие,

дискредитацию Православия. Лингвопсихологические приемы программирования сознания, имеющие место в рассмотренном фрагменте, направлены на отказ от веры.

Подобные публичные выступления в первую очередь ориентированы на молодежь, на изменение ее сознания, что подрывает веру в Бога, православные устои и, как следствие, ценности русского народа.

Список литературы / References

Averintsev, S. S. Bakhtin i russkoe otnoshenie k smekhu [Bakhtin and Russian attitude to laughter], *In Ot mifa k literature: sbornik v chest' 75-letia E. M. Meletinskogo* [From myth to literature: A collection in honor of the 75th anniversary of E. M. Meletinsky], 1993, 341–345.

Akhmanova, O., Zadornova, V. On Linguopoetic Stratification of Literary Text, *In Poetica: An International Journal of Linguistics. Literary Studies*, 1977, 7, 50–60.

Bashkova, I.V., Borovoi, E.M., Gavrilov, L.A. [i dr.] *Lingvistika informatsyonno-psikhologicheskoi voiny* [linguistics of information-psychological war]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2021, 340.

Bernatskaia, A.A., Evseeva, I.V., Kolmogorova, A.V., Kopnina, G.A., Sharifullin B.IA. *Lingvistika informatsyonno-psikhologicheskoi voiny* [linguistics of information-psychological war]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2017, 340.

Bernatskaia, A.A., Gavrilov, L.A., Zhilina, V.A. [i dr.] *Lingvistika informatsyonno-psikhologicheskoi voiny* [linguistics of information-psychological war]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2019, 488.

Bernatskaia, A.A., Gornostaeva, E.A., Evseeva, I.V. [i dr.] *Lingvistika informatsyonno-psikhologicheskoi voiny* [linguistics of information-psychological war]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2020, 344.

Bibleiskaia Entsiklopediia Brokgauza. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/> (accessed 5 December 2022).

Brazhnikov, I. L. Pravoslavnaia geopolitika na postsovetskom prostranstve [Orthodox geopolitics on the postsoviet space], *In Informatsionnye voiny* [Journal of Information wars]. 2008, 4(8), 47–55, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11914857>

Ganiev, T.A., Kariakin, V.V. K voprosu ob informatsionnykh tekhnologiiakh podryva gosudarstvennosti bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [On the question to information technologies of national security Russian Federation destruction], *In Arkhont* [Journal of Arkhont]. 2018, 3(6), 4–9, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-informatsionnyh-tehnologiyah-podryva-gosudarstvennoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>

Korovin, V. Glavnaya sila russkoi tserkvi – stoiat' na svoem. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/glavnaya-sila-russkoy-cerkvi-stoyat-na-svoem> (accessed 5 January 2023).

Dedov, N.P. Diagnostiruiushchaia i reguliruiushchaia rol' iumora v ekstremal'nykh usloviakh [Diagnosing and regulating the role of humor in extreme conditions], *In Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Thesis for the degree of candidate of Psychology]. 2000, 224.

Eiger, G.V., Iukht, V.L. To the construction of a typology of texts [K postroeniiu tipologii tekstov]. *Lingvistika teksta: materialy nauchnoi konferentsii pri MGPIIA im. M. Toreza* [Linguistics of the text: materials of the scientific conference at the Moscow State Pedagogical Institute named after M. Torez]. Moscow, 1974, 103–109.

Issers, O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo, 1999, 285.

Kozlov, S. Kak zapadnye spetssluzhby vedut informatsionnuu voinu protiv Rossii. Available at: <https://vz.ru/opinions/2020/3/12/1026965.html> (accessed 5 January 2023).

Karasev, V.L. *Filosofia smekha* [The Physiology of Laughter]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1996, 222.

Karasik, V.I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniia [The anecdote as a subject of linguistic study], *In Zhanry rechi: sbornik [Genres of speech]*. 1997, 144–153.

Kobzeva, E. V. Polikodovyi tekst kak ob'ekt filologicheskogo analiza [Polycode text as a subject of philological analysis], *In Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of Volgograd State Pedagogical University]*. 2017, 10(123), 58–62.

Kopnina, G.A. Dialog Nikity Mikhalkova i Ksenii Sobchak kak fragment informatsionno-psikhologicheskogo protivoborstva: lingvisticheskii analiz [Dialogue between Nikita Mikhalkov and Kseniya Sobchak as a fragment of information-psychological confrontation: linguistic analysis], *In Etologicheskii aspekt informatsionnykh grazhdanskikh vojn: istoriia i sovremennost': sbornik trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Ethological aspect of information civil wars: history and modernity: a collection of works of the All-Russian Scientific Conference]*. 2020, 245–263.

Kopnina, G.A. *Rechevoe manipulirovanie [Manipulation of public consciousness]*. Moscow, Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr Rossiiskoi akademii nauk "Izdatel'stvo "Nauka", 2007, 176.

Kopnina, G.A., Koshkarova, N.N., Skovorodnikov, A.P. Iazykovye posledstviia sovremennykh informatsionno-psikhologicheskikh vojn v russkoiazыchnykh massmedia: postanovka problemy [Language consequences of modern psychological and information warfare in Russian mass-media: problem definition], *In Rusistika [Journal of Russian Language Studies]*, 2021, 19(4), 383–400, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-posledstviya-sovremennykh-informatsionno-psihologicheskikh-voyn-v-russkoyazychnykh-massmedia-postanovka-problemy>

Leopa, A.V., Fel'de, O.V., Volchok, K.V. *Informatsionno-psikhologicheskaiia voina v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii [Information and psychological war in philosophical and linguistic understanding]*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2017, 152.

Mironova, T.L. *Kto upravlyaet Rossiej? [Who governs Russia?]*. Moscow, Algoritm, 2010, 400.

Nesterova, T.V. Skrytye smysly v polikodovykh tekstakh [Hidden sense in polycode texts], *In Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaia komunikativistika [Scientific research and development. Modern communication studies]*. 2018, 4, 38–45.

Skovorodnikov, A.P., Korol'kova, E.A. Rechevy'e taktiki i yazykovy'e sredstva politicheskoi informacionno-psikhologicheskoi vojny' v Rossii: e'tiko-pragmaticheskii aspekt (na materiale "Novoj gazety") [Speech tactics and linguistic means of political information and psychological warfare in Russia: an ethical and pragmatic aspect (based on the material of Novaya Gazeta)], *In Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*. 2015, 3(53), 160–172.

Sonin, A.G. Modelirovanie mekhanizmov ponimaniia polikodovykh tekstov [Modeling of Mechanisms for understanding polycode texts]. *In Dissertatsiia na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Thesis for the degree of Doctor of Philology]*. 2006, 323.

Shakhovskii, V.I. *Golos emotsii v iazykovom kruge homo sentiens [Voice of emotions in the language circle homo sentiens]*. Moscow, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu "Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2015, 144.

VTSIOM: Shutki v storonu, ili nad chem smeiat'sia mozhno, a nad chem ne stoit (2021). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shutki-v-storonu-ili-nad-chem-smejatsja-mozhno-a-nad-chem-ne-stoit> (accessed 25 October 2022).

Shchurina, I.U.V. Rechevy'e zhanry komicheskogo [Verbal genres of comic], *In Zhanry rechi: sbornik statei [Genres of speech: collection of articles]*. 1999, 2, 146–157.